

ТАГАНРОГ

РОСТОВ

НОВОЧЕРКАССК

АКСАЙ

Азовское море

ОЛЫГИНСКАЯ
БАТАЙСК

Р. ДОН

ХОРМУТОВСКАЯ

КАГАЛЬНИЦКАЯ

Игорь Родинков

Последняя

битва

Корнилова

МЕЧЕТИНСКИ

ЕГОРЬ

КУЩОВКА

ГЛЯЙ-БОРИСОВ

СТАРО-МИНСКАЯ

ПЛОСКАЯ

СЫСОКА

ЧЮВОЛБУШКОВСКАЯ

СТАВОЛЕУГ

ЛЕРЕЯСЛАВСЬ

БРЮХОВ

ЕЦКАЯ

ИЛЬ

ХОПЕРСКИ

ТИМОШЕВСКАЯ

МЕДВЕДОВСКАЯ

ГНАДЕНАГО

ЗАНЬ

КАВКА

ЕК

ЕЛАЗАВТИНСКАЯ

СКАЯ

КОРАЛИПОВСКАЯ

ШЕНЖИИ

ГАТЛЮКАУ

Новодмитровская

16+

Игорь Аркадьевич Родинков

Последняя битва Корнилова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41898682

SelfPub; 2019

Аннотация

Военно-историческая повесть «Последняя битва Корнилова» написана в художественно-документальном жанре. Параллельно художественному описанию Первого Кубанского похода идет документальное воспроизведение биографии Лавра Георгиевича Корнилова. Хотя книга в основном посвящена памяти первого вождя белого движения и «первопроходцам» Добровольческой армии, в ней показана суровая действительность борьбы двух сторон, начавшейся в России Гражданской войны. Обложка оформлена автором.

Содержание

Исход с Дона	5
Военный совет в Ольгинской	14
Генерал Попов и другие	17
Реорганизация армии	22
Корнилов: начало жизненного пути	26
Бой за Лежанку	30
Туркестанские экспедиции	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Слышали, деды?
Война началась,
Бросай свое дело,
В поход собирайся.

Припев:

Мы смело в бой пойдём
За Русь Святую,
И, как один, прольём
Кровь молодую.

Русь полонили
Чуждые силы,
Честь опозорена,
Храм осквернили.

Припев.

Вот показались
Красные цепи,
С ними мы будем
Драться до смерти.

Припев.

Рвутся снаряды,
Трещат пулеметы,
Скоро покончим
С врагами мы счёты.
Песня первопроходцев
«Мы смело в бой пойдём»

Исход с Дона

Дон не принял. Дон отверг. Используя малочисленные добровольческие части в боях за самостоятельность, донская земля выплюнула корниловцев, как чуждый, отработанный материал. В антибольшевистских кругах говорили: «Уж на что Корнилов вояка, и тот не смог поднять станицы за Учредительное собрание».

22 февраля (9 февраля по старому стилю) 1918 года Добровольческая армия со штабом, обозом и строевыми частями покинула Новочеркасск. К 11 февраля¹ она была сосредоточена в районе станицы Ольгинской. На следующий день вечером был назначен военный совет.

Накануне военного совета, вечером 12 февраля, Корнилов вспоминал и размышлял о событиях последних двух месяцев, проведенных на Дону. На Дон он прибыл 6 декабря 1917 года после бегства из Быховской тюрьмы. Две недели со своими верными текинцами пробивался на Дон с боями. За несколько дней до прибытия в Новочеркасск Корнилов распустил конвой и с документами на имя крестьянина Иванова, беженца из Румынии, прибыл в столицу Войска Донского. Сюда, уже разными путями, прибыли его сокамерники по Быховской тюрьме – генералы Деникин, Марков, Лу-

¹ Все даты даются по старому стилю.

комский и Романовский.

К его приезду почти месяц на Дону действовал бывший начальник Генерального штаба Русской императорской армии и Верховный главнокомандующий генерал-адъютант Михаил Васильевич Алексеев. Сразу же по прибытии в Новочеркасск Алексеев обратился к атаману Всевеликого Войска Донского Каледину за помощью в создании добровольческих формирований для борьбы с большевиками. На что Каледин заявил, что «Войсковое правительство не признаёт большевистскую власть, а поэтому Область провозглашается независимой до образования законной российской власти», он попросил Алексеева «не задерживаться в Новочеркасске более недели» и перенести формирование добровольческих сил за пределы области.

Но защищать Область от наседавших с севера, юга и запада красногвардейских отрядов было некому. Возвращавшиеся глубокой осенью 1917 года казаки-фронтовики спешили домой, к женам, отдыхать и отъедаться. На укору стариков: «Навоевались, что ль, служивые?» – кто был совестливее, отвечали: «Хватит, отцы! Навоевались. Нуждишки хлебнули». А иные, которые поотчаянней, позлей, матерно ругались, советовали: «Пойди-ка ты, старый, потрепи хвост! Чего допытываешься? Какого тебе надо? Вас тут много, шептунов!». Среди казаков-фронтовиков широкое распространение получила идея «нейтралитета» в отношении к советской власти. А иные полки прямо склонялись на её сторону.

Все это побудило Каледина вскоре изменить отношение к Алексееву. К нему на Дон потянулись офицеры, юнкера, кадеты, студенты. Они получили название «Алексеевская организация». На Дону они считались «беженцами». Каледин нападки на них сдерживал только старинным казачьим законом: «С Дона выдачи нет!». В общей сложности, к Алексееву собралось около 700 человек. Офицеры составляли треть организации, и до половины – юнкера. «Зелёная молодёжь» в кадетской форме или в форме учащихся светских и духовных школ составляла 10 %.

В конце ноября алексеевцы и казахи добровольцы отвоевали у большевиков Ростов. После помощи Каледину в освобождении Ростова «Алексеевская организация» получила на Дону легальный статус. А когда различными путями на Дон прибыли «Быховские сидельцы», теперь уже к Корнилову пробирались группами и в одиночку офицеры и солдаты Корниловского, Георгиевского и Текинского полков. Сюда же явились Родзянко, Милюков, Савинков, другие политические деятели и множество гражданских беженцев. Некоторое время был и Керенский, но донской атаман не захотел с ним встретиться, и тот отбыл с Дона, а затем вообще из России. Отбыл с Дона и Борис Савенков, договорившись с Корниловым о создании «Союза защиты Родины и свободы», или так называемой Северной добровольческой армии. Уехал и Павел Милюков, отправившись в румынский город Яссы на совещание представителей стран Антанты с анти-

большевистскими силами. Оттуда он отбыл в Лондон, навсегда покинув Россию, в которой он в числе первых замутил воду.

Воспоминания Корнилова прервал его адъютант, поручик Долинский, сообщивший, что прибыл генерал Марков со своим отрядом. Теперь в Добровольческой армии, вместе с присоединившимися к ней донскими партизанами, было около 3,5 тыс. активных штыков. Невесть какая сила против многотысячных красногвардейских отрядов, но это были испытанные, верные войска. За своих бойцов генерал Корнилов ручался головой. Вчера вечером он здоровался с подходящими в Ольгинскую частями, те отвечали ему нескладной, но задушевной песней:

Дружно, корниловцы, в ногу
С нами Корнилов идет;
Спасет он, поверьте, Отчизну,
Не выдаст он русский народ.

Со строевыми частями прибыл обоз с ранеными, прибывали и беженцы, которые только сковывали активность армии. В обозе 200 раненых, их бросать нельзя. Для них попасть в руки красных – неминуемая смерть. Но что делать с

двумя тысячами гражданских беженцев?

Решение пришло тут же.

– Поручик Долинский, пишите приказ, – сурово сказал генерал Корнилов. – Приказываю гражданским лицам покинуть армию. Каждому из беженцев предоставляется право самостоятельно распоряжаться своей судьбой: спасаться по станциям, или вернуться в Россию.

Потом, подумав немного, добавил:

– Исключение делается только для отдельных лиц по личному распоряжению командующего.

До назначенного на вечер военного совета оставалось еще два часа. Корнилов опять углубился в свои мысли. Не сделал ли он ошибки, прибыв на Дон два месяца назад, и оставшись там, не поехал поднимать на борьбу с большевиками Сибирь?

Первоначально, увидев, что вопрос формирования на Дону Белой гвардии успешно решается генералом Алексеевым, Корнилов решил взять Деникина, Лукомского и ехать дальше – поднимать Сибирь. Организация войск в замкнутом пространстве юга России представлялась ему делом местного масштаба, тем более что на территории казачьих войск придется зависеть от казачьих правительств, кругов и атаманов. Корнилов рвался на простор, в Сибири и Поволжье, где можно развернуться в полную силу. На это его решение влияли и личные взаимоотношения с Алексеевым.

Но политические деятели, главным образом представи-

тели московского Национального центра, настояли, чтобы борьбу на юге России против большевиков возглавил именно генерал Корнилов. В результате 25 декабря 1917 года три высших начальника подписали соглашение об образовании армии, получившей название Добровольческой. Корнилов принял на себя командование. Алексеев ради пользы дела отошел на второй план, оставил себе финансовые проблемы, вопросы внутренней и внешней политики. Третий подписавший, Каледин, ведал формированием Донской армии и вопросами жизни Дона.

В начале командования Корниловым Добровольческой армией дела шли вроде неплохо. В среднем в день в армию вливалось по 70-80 человек. До половины записавшихся добровольцев были обер-офицеры, до 15 % – штаб-офицеры, были так же юнкера, студенты и гимназисты (более 10 %). Казаков было около 4 %, солдат – 21 %. К концу декабря 1917 г. в армию записалось добровольцами 3 тыс. чел. Отличительным знаком новой армии был нашиваемый на рукав угол из лент национальных цветов.

План Корнилова и Алексеева был таким: довести численность армии до 10 тыс. чел. и лишь затем приступить к выполнению крупных задач. Жизнь решила иначе. Большевистские фронты перекрыли дороги, отрезали Дон от России и Украины. Приток добровольцев резко упал – добирались лишь единицы. Хотя только в Ростове находилось несколько тысяч офицеров, которые не спешили вливаться в ряды Доб-

ровольческой армии, предпочитая кутить в кафе и ресторанах.

В январе 1918 года красные отряды хлынули на Дон с четырех сторон: Харькова, Воронежа, Таганрога, и Ставрополя. Большинство казаков, вернувшихся с фронта, объявили нейтралитет и разошлись по домам. А в станице Каменской представители некоторых полков образовали ревком во главе с Подтелковым и требовали передачи власти на Дону Советам.

На вновь образовавшихся «фронтах» противостояли красному нашествию на Дон лишь части Добровольческой армии в 2 тыс. штыков и около 400 донских партизан, из которых особенно отличился отряд есаула Чернецова. Но после гибели есаула и разгрома его отряда² Корнилов принял единственно, как ему казалось, правильное решение – уходить с Дона. Он отдал приказ частям Добровольческой армии соединиться в станице Ольгинской и телеграфировал о своем решении атамана Каледина.

Корнилова часто мучила совесть: не способствовал ли он своим решением печальной участи Алексея Максимовича? Как вскоре стало известно, на заседании Войскового правительства атаман Всевеликого Войска Донского Алексей Максимович Каледин заявил: «Добровольческая армия уходит.

² Отряд Василия Михайловича Чернецова был разбит под станицей Глубокой красным отрядами Голубова-Подтелкова 23 января 1918 г. Сам Чернецов и 40 пленных офицеров были зарублены казаками Подтелкова. Чернецова самолично зарубил Подтелков.

Для защиты области и Новочеркаска осталось 147 штыков... Положение наше безнадежно. Население не только нас не поддерживает, но настроено к нам враждебно. Сил у нас нет, и сопротивление бесполезно. Я не хочу лишних жертв, лишнего кровопролития. Предлагаю сложить свои полномочия и передать власть в другие руки...».

В тот же день донской атаман, генерал от кавалерии Алексей Максимович Каледин застрелился³. На следующий день войсковым Кругом наказным атаманом Донского войска был выбран Анатолий Михайлович Назаров. Смерть генерала Каледина, как бы пробудила совесть казаков старшего возраста, из соседних станиц в Новочеркасск съехалось несколько сотен казаков. Но помитинговав несколько дней и не имея вождя, они разошлись по домам. Это еще больше укрепило решение Корнилова уходить с Дона.

Дон не дал Корнилову своих казаков, Ростов – офицеров: местных и сбежавших сюда от большевиков, а их было больше, чем в Добровольческой армии, ростовское купечество – денег⁴. Добровольцы откровенно негодовали: «Из-за этих шкурников мы должны отдавать свои жизни?!»...

И вот он, Корнилов, и все его небольшое воинство на границе Донского и Кубанского войска, в станице Ольгинской.

³ Донской казак, русский военачальник, генерал от кавалерии, войсковой атаман Дона А. М. Каледин застрелился 29 января 1918 года.

⁴ Когда Ростов заняли красные войска, местные бизнесмены по первому требованию Советов выложили 18 миллионов рублей.

Куда дальше идти – решит военный совет.

Военный совет в Ольгинской

Военный совет начался вечером 12 февраля 1918 года. Пришли генералы Алексеев, Деникин, Романовский, Марков, Боровский, Богаевский, полковники Кутепов, Неженцев, Тимановский и еще несколько строевых офицеров. Корнилов разложил на столе карту Северного Кавказа. По правую руку от него сел седой, сухощавый Алексеев. По левую руку – Деникин. Вид у него был болезненный: он сильно простудился при отступлении из Новочеркасска. Далее сели генералы Романовский, Боровский и Богаевский, полковники Кутепов, Неженцев, Тимановский. Марков стоял у окна, у дверей столпились строевые офицеры.

Как и положено, совет открыл Корнилов. Перед ним стояла трудная задача – решить, куда вести Добровольческую армию. Было два варианта: или на юг, на Кубань, или на восток, в Сальские степи. Умом Корнилов понимал, что логичнее было идти на Кубань. В Екатеринодаре держалась Кубанская Рада во главе с атаманом Филимоновым, а в окрестностях действовало несколько казачьих добровольческих отрядов, самый крупный из которых возглавлял штабс-капитан Покровский. Это давало минимум две-три тысячи казачьего пополнения, да и кубанские казаки были активнее донских. При успехе можно было поднять все Кубанское войско. Но какое-то предубеждение удерживало Корнилова от похода

да на Кубань. Он склонялся к движению в район зимовников, становища донских табунов, в Сальский округ Донской области.

– Я предлагаю идти в Сальские степи, – начал совещание Корнилов. – Там, вдали от железных дорог, легко можно отбиться от большевиков, чувствующих себя неуверенно без броневых поездов. Без дорог, без тяжелой артиллерии силы бы сравнялись. Там бы мы могли отдохнуть, собраться с силами, и, когда поднимется Дон, а я верю, что такой момент наступит, мы могли бы быстро прийти на помощь донскому войску... У кого какое мнение, прошу высказываться, господа.

Слово взял генерал Алексеев. Не спеша, как бы развивая свою мысль, он начал:

– Надеяться на скорое восстание казаков на Дону не приходится. Сегодня в 12 часов положение рисуется в таком виде: атаман Назаров слагает свои полномочия; вся власть переходит к военно-революционному комитету. Отряд походного атамана Попова, не сложивший оружие, сегодня выступает в Старочеркасскую. Силы слишком не равны, Дон в ближайшие дни будет полностью в руках большевиков.

Далее, – продолжал генерал Алексеев, все более и более повышая голос, – в зимовниках отряд будет очень скоро сжат с одной стороны разливом Дона, а с другой – железной дорогой Царицын – Торговая – Тихорецкая – Батайск. Все железнодорожные узлы и выходы грунтовых дорог будут заняты

большевиками, что лишит нас совершенно возможности пополнения людьми и снаряжением. Кроме того, пребывание в степи поставит нас совершенно в стороне от общего хода событий в России.

Алексеев сделал паузу и оглядел присутствующих генералов, как бы определяя, кто еще разделяет его точку зрения. Этим воспользовался Корнилов и спросил с явным раздражением:

– Что вы предлагаете, Михаил Васильевич?

– Я предлагаю идти на Кубань, где нас ожидает не только богатый край, но и противоположное Дону сочувствие. Наконец, уцелевший от захвата большевиков центр власти, Екатеринодар, даст нам возможность начать новую большую организационную работу.

– Хорошо! Теперь мы имеет два варианта решения. Других вариантов нет, – подвел черту генерал Корнилов. – Прошу господ генералов и полковников высказывать свое мнение.

В результате голосования генерала Алексеева поддержали Деникин, Романовский, Марков, Боровский, Кутепов и Тимановский. За Корнилова были только Богаевский и Неженцев.

В итоге Корнилов склонился к большинству и принял решение идти на Кубань.

Генерал Попов и другие

Однако на другой день обстановка изменилась. Вечером к командиру прискакали походный атаман Войска Донского генерал Попов и его начальник штаба полковник Сидорин. С ними был и генерал Лукомский, прикомандированный к Донской армии. В штабной хате собрался почти тот же состав, что и вчера. Поздоровавшись, прибывшие сели за стол. Алексеев задал несколько вопросов о дороге, эвакуации Новочеркасска, судьбе атамана Назарова. Попов ответил:

– Вечера атаман Назаров и весь его штаб арестованы Голубовым. По всей видимости, судьба их предрешена.

– Неужели Голубов расстреляет своего старого товарища, которого тот когда-то спас от тюрьмы? – с тревогой спросил Алексеев.

– На это и рассчитывал Назаров, когда складывал свои полномочия, но вряд ли «старый товарищ» помилует его, в гражданской войне сватьев, братьев нет, – твердо произнес Попов⁵.

⁵ По распоряжению местного большевистского штаба во главе с Голубовым, шахтёрами-красногвардейцами 17 февраля 1918 г. за городом в Краснокутской роще был произведён расстрел атамана А. М. Назарова, генералов Усачева, Груднева, Исаева, подполковника Генерального штаба Рота, председателя Войскового Круга Волошина, и войскового старшины Тарарина.

– Скажите, генерал, какова численность вашего отряда? – спросил Корнилов, глядя в упор на Попова.

– Полторы тысячи сабель, пять орудий и сорок пулеметов с прислугой.

– Вам известны, атаман, – продолжал Корнилов, – обстоятельства, побудившие Добровольческую армию уйти из Ростова и Новочеркасска. Вчера у нас был военный совет. Принято решение идти на Кубань. Мы идем на Екатеринодар, по пути увлекая кубанское казачество и громя те неорганизованные красногвардейские отряды, которые попытаются воспрепятствовать нашему движению. Мы предлагаем вам с вашим отрядом присоединиться к нам и совместно идти на Екатеринодар. Дробить силы – не в наших интересах.

При этих словах Корнилов внимательно посмотрел на Попова, тот сощурился и смущенно отвел глаза в сторону. Наступила напряженная пауза.

– Я не могу этого сделать! – вдруг решительно и круто заявил Попов.

– Почему, разрешите вас спросить?

– Потому, что я не могу покинуть территорию Донской области и идти куда-то на Кубань. В районе зимовников мы переждем события. Разлив Дона не позволит красным перейти к активным действиям. Район зимовников весьма обеспечен фуражом и хлебом, здесь мы сможем развить партизанское движение. К тому же есть еще один сугубо важный фактор, и мы, командование Донской армии, не можем его не учиты-

вать: это настроение наших казаков.

Попов, оглядел всех присутствующих тяжелым взглядом и, повысив голос, продолжал:

– В том случае, если мы повернем на Кубань, появится опасность распада отряда. Казаки могут не пойти. Да и настроение кубанского казачества вселяет в меня немалые опасения. Я полагаю, что, исходя из вышеизложенного, Добровольческой армии было бы благоразумнее идти не на Кубань, а вместе с донским отрядом двинуться в задонские степи. Там она оправится, пользуясь передышкой, и к весне пополнится новыми силами из России.

Атаман закончил свою речь и грузно сел в кресло. Корнилов задумался. Еще вчера он рассуждал так же, как генерал Попов, и только упорное оспаривание его мнения Алексеевым заставило генерала принять решение идти на Кубань. И вот теперь неожиданная помощь в лице Попова давала возможность вернуться к изначальному плану. Корнилову хотелось сказать, что в доводах Попова есть резон, но вместо слова «да», командующий произнес:

– Нет! Нет смысла идти в зимовники. Нас около шести тысяч с беженцами...

Корнилов предупредительно посмотрел на Алексеева. Видно было, что он все еще колеблется в выборе направления и ищет подтверждение своих слов у другого авторитета. И старый генерал, привыкший кратко и четко изъясняться, в нескольких фразах высказался в пользу похода на Екате-

ринодар.

– В данном направлении нам легче всего прорвать большевистское кольцо и соединиться с отрядом Покровского, действующего под Екатеринодаром, – закончил он.

Но тут вдруг прозвучало противоположное мнение.

– А если это не удастся, Михаил Васильевич? – осторожно спросил генерал Лукомский.

– Даже если мы не пробьемся к Екатеринодару, у нас остается возможность дойти до Кавказских гор и распылить армию.

Алексеева поддержали Романовский и Марков. Однако Лукомский решил выровнять весы.

– Я все же склонен поддержать предложение генерала Попова, – заявил он. Поход на Кубань сопряжен с большими трудностями. Прежде всего нам придется два раза пересекать железную дорогу. Бронированные поезда большевиков перекроют нам путь. Будет трудно перейти с тяжелым обозом и массой раненых. Затем мне непонятно: откуда такая уверенность, что кубанское казачество пойдет за нами? Мы в этом уже убедились на горьком примере донского казачества. Кубанцы болеют той же заразой, какую принесли домой с фронта донские полки. Они могут быть враждебно настроенными. Я еще раз повторяю, что целесообразнее идти на восток, в степи.

Корнилов опять глубоко задумался, он уже не был так непреклонен и уверен в движении на Кубань.

– Хорошо, я еще раз взвешу все мнения, оценю обстановку и приму окончательное решение завтра. Вам, генерал Попов, я пришлю вестового, – закончил совещание командующий.

Попов с Сидориным, звеня шпорами, вышли на крыльцо, где им подали лошадей. Один из офицеров сопровождения подошел к Сидорину и шепотом спросил:

– Ну что, господин полковник?

– Неплохо, Изварин, – с бодростью в голосе ответил Сидорин. – Наш отказался идти на Кубань.

К Изварину подошел офицер из конвоя и спросил:

– Какие известия, есаул?

– Все чудно, сотник, – ответил тот. – Мы не пойдем с кадетами. Донское казачество не должно упустить свой исторический шанс избавиться от политической опеки Москвы. Мы восстановим свои порядки, уничтоженные русскими царями...

На следующий день после встречи с Поповым Корнилов, еще раз взвесив все риски походов в Сальские степи и на Кубань, принял окончательное решение – идти на Кубань. Вестовой, информировавший генерала Попова о выборе командующего, в тот же день привез ответ, что казачий отряд не присоединится к Добровольческой армии.

Реорганизация армии

За четыре дня стояния Добровольческой армии в станице Ольгинской к ней присоединились еще несколько казачьих партизанских отрядов и прибывшие из Ростова и новочеркасских лазаретов офицеры. Большинство из них были еще больны и пополнили собой лишь обоз с ранеными. Но тем не менее число боеспособных добровольцев приблизилось к 4 тыс. чел. А всего с обозом и беженцами в станице Ольгинской скопилось более 6 тыс. чел.

Выступление из Ольгинской было назначено на 15 февраля. Своим приказом Корнилов реорганизовал армию.

Помощником командующего армии Корнилов назначил генерала Деникина, начальником штаба – генерала Романовского, Алексеев остался при тыловом и финансовом обеспечении армии. Начальником снабжения или обоза был назначен генерал Эльснер. Генералы Лукомский⁶ и еще раньше Эрдели были направлены на Кубань для установления связи с Кубанским атаманом и добровольческими отрядами.

Малочисленная конница была сведена в три отряда: полковника Глазенепа (из донских партизанских отрядов), полковника Гершельмана (из регулярной кавалерии) и полков-

⁶ На Кубани генерал Лукомский попал в плен к красным. Спасся только благодаря случайному стечению обстоятельств и вернулся в Добровольческую армию кружным путем, к лету 1918 года.

ника Корнилова (из бывших частей Чернецова).

Пехота была сведена в 3 полка и 2 батальона. Основной ударной силой был 1-й Офицерский полк под командованием генерала Маркова – из трех офицерских рот, кавказского дивизиона и морской роты. Далее шел Корниловский полк под командованием полковника Неженцева, состоявший из кадровых ударников, частей Георгиевского полка и партизанского отряда полковника Симановского. Пешие донские партизанские отряды были сведены в Партизанский полк под командованием генерала Богаевского. Из юнкеров и Ростовского полка, состоявшего большей частью из ростовских студентов, был сформирован Юнкерский батальон под командованием генерала Боровского. Инженерный батальон состоял из чехов и словаков под командование капитана Неметчика. Артиллерия армии имела всего лишь четыре батареи по два орудия и 700 снарядов. Командовал ею полковник Икишев.

Как было видно, Добровольческая армия набирала вес и покрывала свою малочисленность словами «полки», «батальоны», «батареи», на самом деле в два-три раза уменьшенными от штатного расписания.

Огромному обозу беженцев было приказано оставить армию, теперь они могли спастись, рассредоточившись по станциям или поодиночке пробираясь в Россию. Все равно набралось много штатских, для которых пришлось сделать исключение. Среди них – бывший председатель Государствен-

ной Думы М. В. Родзянко, князь Н.Н. Львов, издатели братья Суворины, профессора Донского политехнического института и другие. В обозе 250 раненых, оружие, снаряды.

Сомнительным, но необходимым было смешивание офицеров с казаками, которых казаки за глаза называли «кадетами», юнкеров со студентами, которых юнкера считали «социалистами». Кадровых и фронтовых офицеров было не много более тысячи человек. Генерал Марков, обращаясь к офицерам своего полка, сказал: «Не много же вас здесь. По правде говоря, из трехсоттысячного офицерского корпуса я ожидал увидеть больше. Но не огорчайтесь. Я глубоко убежден, что даже с такими малыми силами мы совершим великие дела».

13 февраля армия обрела собственное знамя. Это был большой бело-сине-красный национальный флаг с вышитым поперех словом «ОТЕЧЕСТВО».

Из Ольгинской армия выступила пасмурным морозным утром 14 февраля. Корнилов, сидя верхом со знаменщиком, пропускал части перед собой. Войска, проходя мимо командующего, кричали: «Здравия желаем, Ваше Высокопревосходительство!»

Шесть дней (88 верст) небольшая, но жаждавшая великих дел армия Корнилова двигалась на юго-восток от станицы

Ольгинской до станицы Егорлыкской. Корнилов на маленькой калмыцкой лошади двигался то впереди, то позади своего воинства. Перед въездом в Егорлыкскую Корнилов встречал армию. У молодых добровольцев горели глаза, старики подтягивались при виде сумрачной фигуры командующего. В колонне веселое настроение, даже среди раненых смех и шутки. Обоз за эти 6 дней без боев пополнился более чем на 60 «раненых».

Но чем дальше, тем веселья становилось меньше. В последней донской станице, Егорлыкской, корниловцев встретили приветливо, с блинами и угощениями, а дальше началось Ставрополье, бурлившее большевизмом и занятое частями ушедшей с Кавказского фронта 39-й пехотной дивизии. Еще два года назад эта дивизия была элитой Кавказского фронта, участницей всех легендарных сражений, которые выигрывала армия Н.Н. Юденича. Сейчас под командованием А.И. Автономова она стала оплотом советской власти на Ставрополье.

У деревни Лежанка путь добровольцам преградил пробольшевистски настроенный Дербенский полк с артиллерией. Корнилов наутро 21 февраля отдал приказ выбить большевиков из Лежанки.

Накануне боя обычно бойцы вспоминают минувшую жизнь: кто знает, удастся ли пережить новый день? Вспоминал прожитые годы и Лавр Георгиевич.

Корнилов: начало жизненного пути

Свою военную карьеру он, сын сибирского казака, сделал сам. «Лавр, ты родился в сорочке...», – вспомнил он слова своей сестры Анны. Лавр был четвертым ребенком в семье⁷. В 1872 году Корниловы переехали в станицу Каркалинскую, откуда и вышел род Корниловых⁸. С детства в семье на него возлагали большие надежды. Никто Каркалинской не учился так блестяще, как сын хорунжего Егора Николаевича Корнилова⁹ и казашки Марьям (Марии Ивановны)¹⁰, принявшей православие и вышедшей замуж за потомственного казака. Видно, от матери Лавр унаследовал азиатский тип внешности – маленький рост, скуластость и узкие гла-

⁷ Лавр Георгиевич родился 18 августа 1870 г. в маленьком городке Усть-Каменогорске, Семипалатинской области. Сейчас это административный центр Восточно-Казахстанской области Казахстана.

⁸ Дедом Корнилова был Николай Герасимович Корнилов (1806 г. рождения), уроженец станицы Каркалинской (ныне город Каркалинск, Казахстан), сибирский казак, служивший переводчиком в окружном суде. В семье Николая Герасимовича было 10 детей. Отец Лавра – Егор был первенцем.

⁹ Как и его отец, Егор Николаевич служил переводчиком в 7-м Сибирском полку, к 1862 г. дослужился до чина хорунжего, однако затем вышел из казачьего сословия и «переименовался» в коллежские регистраторы. Он служил до 1872 г. письмоводителем в Усть-Каменогорской полиции.

¹⁰ Мать Корнилова Мария родила 13 детей, из которых выжили 9 детей.

за. С первых шагов он был гордостью семьи. Блестяще окончил церковно-приходскую школу, потом учился в Сибирском кадетском корпусе, что в городе Омске. 13-летнего юношу приняли в корпус лишь «приходящим», так как он не сдал экзамен по французскому языку. Да как можно было найти репетиторов в казахской степи? Однако новый воспитанник после года обучения своей настойчивостью и отличными аттестациями добился перевода на «казённый кошт». За пять лет учебы своим трудолюбием и способностями Корнилов достиг высоких результатов и выпускался из корпуса с отличными оценками, особенно по математике, и с хорошей характеристикой. В его характеристике писалось: «Скромн, откровенен, правдив, трудолюбив и постоянно с охотою помогает товарищам в занятиях. Серьёзен. Послушен и строго исполнителен. К родным относится с любовью и часто пишет им письма. Со старшими почтителен и приветлив. Товарищами очень любим и оказывает на них доброе влияние...».

Вот уже тридцать лет прошло с тех пор, как 18-летний Корнилов окончил корпус. Теперь в его в воинстве каждый десятый такой же, каким он был в молодости: правдивым, трудолюбивым, готовым выполнить любой приказ и сложить голову за товарищей и Отечество.

Человеку не дано выбирать Родину, родителей и время рождения. Но у каждого есть право выбора жизненного пути, даже когда твоя свобода ограничена обстоятельствами.

Даже если тебя ведет судьба, все равно у каждого есть право выбора. Карьера военного – это судьба и выбор молодого Корнилова.

Сдав на «отлично» выпускные экзамены в Омском кадетском корпусе, Лавр получил право выбора дальнейшего обучения. Особые успехи в математике определи дальнейшую его судьбу: он поступил в Михайловское артиллерийское училище.

В августе 1889 года 19-летний Корнилов впервые приехал в Петербург. Здесь началась его самостоятельная жизнь. Отец уже не мог помогать Лавру деньгами, и он должен был сам зарабатывать себе на жизнь. Корнилов дает уроки математики и пишет статьи по зоогеографии, что приносит некоторый доход, часть которого он даже умудряется отсылать родителям.

В Михайловской артиллерийском училище, как и в кадетском корпусе, учёба шла на «отлично». Уже в марте 1890 года Корнилов стал училищным унтер-офицером. В ноябре 1891 года на последнем курсе училища Корнилов получил звание портупей-юнкера. Но способности способностями, а характер Корнилову пришлось проявлять тоже. Молодой юнкер показал однажды свою решительность и неуступчивость в прощении обид. Однажды один из офицеров училища позволил в адрес Корнилова обидную бестактность и тут же получил отпор. Взбешенный офицер уже хотел ударить юнкера по лицу, но невозмутимый юноша, сохраняя внешне

ледяное спокойствие, опустил руку на эфес шашки, давая понять, что за свою честь намерен стоять до конца. Увидевший это начальник училища генерал Чернявский немедленно отозвал офицера, чем устранил инцидент. Учитывая таланты и всеобщее уважение, которым пользовался Корнилов, этот проступок ему простили...

4 августа 1892 года, за две недели до своего 22-летия Корнилов окончил училище по 1-му разряду и надел погоны подпоручика, став, таким образом, личным дворянином.

Можно было бы продолжать воспоминания и дальше, но усталость дня и ночь сморили командующего, глаза слипались и Корнилов вышел из воспоминаний, заснув наполовину в прошлом, наполовину в настоящем.

Бой за Лежанку

На следующий день, 21 февраля, Корнилов встал рано. Было еще по-зимнему темно. Выехав с адъютантами и конвоем текинцев за окраину станицы Егорлыцкой, командующий с гребня стал наблюдать, как разворачивался бой за селение Лежанка, что в Ставрополье. Солнце полностью взошло к 9 часам. Утро был ясным и слегка морозным.

Офицерский полк наступал в авангарде по основной дороге, корниловцы пошли окраиной с правого фланга, в резерве оставались партизаны.

В подзорную трубу Корнилов наблюдал за марковцами. Они шли поротно и повзводно, при ротах старые и молодые полковники, при взводах тоже старшие офицеры. Впереди шел помощник командира полка, полковник Тимановский, он опирался на палку, с неизменной трубкой в зубах; израненный много раз, с сильно поврежденным позвоночником... Одну из рот вел полковник Кутепов, бывший командир Преображенского полка. Сухой, крепкий, со сдвинутой на затылок фуражкой. В рядах много безусой молодежи – беспечной и жизнерадостной. Вдоль колонны проскакал генерал Марков в направлении к головному отряду.

Вдруг прогремел глухой выстрел, и высокий разрыв шрапнели взметнулся перед колонной марковцев. Корнилов увидел, как офицерский полк развернулся в цепь и пошел в на-

ступление – спокойно, не останавливаясь, прямо на деревню, затем скрылся за гребнем.

Корнилов перевел подзорную трубу на Лежанку. Раскинувшееся широко село опоясано линиями окопов. У самой церкви стоит большевистская батарея и беспорядочно разбрасывает снаряды вдоль дороги. Ружейный и пулеметный огонь раздаётся все чаще. Цепи марковцев остановились и залегли. Перед ними болотистая и незамерзшая речка. Вправо от них, в обход, двинулся Корниловский полк. А вдоль большой дороги совершенно открыто юнкера подполковника Миончинского подводят орудия прямо в цепи под огнем неприятельских пулеметов. Скоро огонь батареи вызвал заметное движение в рядах противника. Наступление, однако, задерживается...

– Вперед! – приказывает Корнилов, и группа всадников с развернутым трехцветным флагом поскакала к позициям наступающих.

– Корнилов!

В рядах – волнение. Все взоры обращены туда, где виднеется фигура командующего.

Офицерский полк бросается в наступление в холодную, липкую грязь речки и переходит вброд на другой берег. Корниловцы входят в Лежанку с запада, там уже смятение, и скоро все селение и поле уже усеяно бегущими в панике людьми; мечутся повозки.

Корнилов с конвоем вошел в уже занятое село. Оно слов-

но вымерло. По улицам валялись трупы. Жуткая тишина. Командующий занимает найденную для него адъютантами хату, а по селу раздаётся сухой треск ружейных выстрелов – начинается бессудная «ликвидация» большевиков.

Вот из-за хат ведут 60 пестро одетых людей, многие в защитной одежде, без шапок, без поясов, головы и руки у всех опущены. Пленные. Их обгоняет подполковник Нежинцев.

– Выходи желающие на расправу! – кричит он своим корниловцам.

Некоторые понурили головы, кто-то умышленно снял сапог, перематывает портянку.

Из строя все же выходит пятнадцать человек, кто-то смущенно улыбается, некоторые с ожесточенными лицами. Идут к стоящим кучкой незнакомым людям и щелкают затворами. Прошла минута.

– Пли! – раздается крик командира расстрельной команды.

Сухой треск выстрелов оглашает село. Крики, стоны... Некоторые падают друг на друга, другие еще стоят. По ним шагов с десяти, плотно прижав винтовки и расставив ноги, стреляют вновь. Снова щелкают затворы. Снова выстрелы. И так пока не упали все. Смолкли стоны. Смолкли выстрелы. Некоторые расстреливавшие отошли. Некоторые добивали штыками и прикладами еще живых.

Подобные расправы шли по селу весь день, пока не выловили всех не успевших сбежать солдат пробольшевистского

Дербенского полка и местных активистов.

«Вот она, гражданская война», – думают добровольцы. Только что шли цепью по полю, веселые и радостные. А теперь открылось подлинное лицо гражданской войны. Большинство молчит, и непонятно, одобряют или порицают они бессудные расстрелы военнопленных. Меньшинство возмущается. «Ну, если так будем идти дальше, на нас все встанут», – тихо бормочут они...

К Корнилову в штабную хату вошел запыхавшийся, возмущенный генерал Деникин.

– Лавр Георгиевич! Нельзя же так, – начал он с порога. – Издайте приказ, запрещающий бессудно расстреливать военнопленных.

– В гражданской войне, Антон Иванович, пленных нет, – резко оборвал его командующий.

Вечером этого дня, в присутствии Корнилова, Алексеева и других генералов, с панихидой хоронили, убитых в бою добровольцев. Их было трое. Семнадцать человек было ранено. Кроме того, в Лежанке закопали 507 трупов.

Пребывание на враждебном Ставрополье было недолгим; повернув на юго-запад, уже 23 февраля Добровольческая армия вошла в пределы Кубанской области. Здесь было совсем другое отношение к добровольцам, их встречали радушно,

как говорится, «с хлебом и солью». Это вселяло надежду на удачный исход Кубанского похода. Всех, от мальчишек-юнкеров до фронтовых офицеров, охватило волнение. Через весь организм армии, от низа до командующего, как бы проходил ток деятельного движения к конечной цели похода – Екатеринодару. «Кубань – земля обетованная» – было у всех на устах.

Вечером 24 февраля в станице Незамаевской Корнилов, разложив на столе походную карту, определял дальнейший путь армии к Екатеринодару. Кратчайшая дорога лежала через станицы Ново– и Старо-Леушковску, Березанскую и Кореновскую. Она была сопряжена с опасностями: дважды придется пересекать железную дорогу – Ростов-Кавказскую и Екатеринодар-Тихорецкую, где у красных были бронепоезда.

Корнилов невольно вспомнил свои Туркестанские экспедиции. Сколько тогда у него было молодости, энергии, желания изучать другие края, народы, языки!..

Туркестанские экспедиции

По окончании Михайловского артиллерийского училища перед Корниловым открылась перспектива службы в гвардии или в столичном военном округе, однако молодой офицер выбрал службу в Туркестанской военном округе. Он получил назначение в 5-ю батарею Туркестанской артиллерийской бригады. Это было не только возвращением на его малую родину, но и передовым стратегическим направлением при намечавшихся тогда конфликтах с Персией, Афганистаном и Великобританией. Через два года службы Корнилов получил чин поручика.

В Туркестане Лавру Георгиевичу было мало рутинной военной службы, он занимался самообразованием, просвещением солдат, изучением восточных языков. Его неуемная энергия и настойчивый характер не позволяли оставаться в поручиках, и он подал рапорт на поступление в Академию Генерального штаба.

В 1895 году, блестяще сдав вступительные экзамены, Корнилов зачисляется слушателем Николаевской академии Генерального штаба. За время учебы в Академии у него произошли изменения в личной жизни. В 1896 году он женился на дочери титулярного советника Таисии Владимировне

Марковиной, а через год у них родилась дочь Наталья¹¹. В 1898 году, окончив Академию с Малой серебряной медалью, Корнилов досрочно получил чин капитана и вновь отправился служить в Туркестанский военный округ.

С 1898 по 1904 год он служил в Туркестане помощником старшего адъютанта штаба округа, а затем – штаб-офицером для поручений при штабе. Как и везде, молодому капитану не сиделось в штабах, и он предложил командованию округа провести разведывательно-исследовательскую экспедицию по Восточному Туркестану (Кашгарии) и Афганистану.

Корнилов вспомнил, как он, переодевшись туркменом (туркменский язык он знал в совершенстве) вначале провел рекогносцировку британской крепости Дейдади в Афганистане. Затем под видом купца совершил длительную экспедицию по Кашгарии. Он изучал сопредельные с Российским Туркестаном края, знакомился с китайскими чиновниками и предпринимателями, изучал новые языки, одновременно налаживая агентурную сеть.

Все теперь знают Корнилова как военачальника, а ведь известность он приобрел как военный разведчик, географ и исследователь. Свои исследования он описал в книге «Кашгария, или Восточный Туркестан», выпущенной в 1901 году в Ташкенте. Этот труд был оценен как русскими, так и бри-

¹¹ В дальнейшем у четы Корниловых родились сыновья Дмитрий (скончавшийся в возрасте полутора лет от менингита) и Юрий.

танскими специалистами, внимательно следившими за передвижениями русских в этом регионе. За эти экспедиции он был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени.

И вот новая экспедиция отряда русских разведчиков под командованием капитана Корнилова по Восточной Персии, еще одному белому пятну на картах, известному, как Степь Отчаяния. Здесь, на Дону и в Кубани, нужно было сражаться с превосходящими по численностям отрядами большевиков, а там шла борьба с бесконечными песками, пронизывающим жарким ветром и обжигающими солнечными лучами. Все путешественники, пытавшиеся прежде изучить этот опасный район, погибали от нестерпимой жары, голода и жажды. Британские разведчики обходили этот район стороной, только русские могли тягаться с «отчаянной степью». Результатом похода капитана Корнилова стал богатейший географический, этнографический и военный материал, который Лавр Георгиевич широко использовал в своих очерках, публиковавшихся в Ташкенте и Санкт-Петербурге. В них он сделал выводы, что Великобритания намерена расширять свое влияние в этом регионе и границы России там необходимо укреплять. По итогам экспедиции Корнилова по Восточной Персии он был удостоен орденов Святой Анны 3-й степени и Святого Станислава 2-й степени.

С ноября 1903 по июль 1904 года Корнилов находился в официальной командировке в Индии с целью «изучения языков и нравов народов Белуджистана», а фактически – для

анализа состояния британских колониальных войск. За время этой экспедиции Корнилов посетил Бомбей, Дели, Пешавар, Агру, где был военный центр англичан, и другие районы. Корнилов наблюдал за британскими военнослужащими, анализировал состояние колониальных войск, контактировал с британскими офицерами, которым уже было знакомо его имя. В 1905 году его секретный «Отчёт о поездке в Индию» был опубликован Генеральным штабом.

Каждая экспедиция была длиною в маленькую жизнь, а весь туркестанский период, который длился без малого более десяти лет (малым была учеба в Академии Генерального штаба), стал целой эпохой, давно ушедшей, самой романтической в его жизни. Итогом стало избрание Корнилова 29 ноября 1904 года действительным членом Императорского Русского географического общества и присвоение ему очередного чина подполковника.

За это время он изучил девять языков. Кроме обязательных для выпускника Генерального штаба немецкого и французского языков, он хорошо овладел английским, туркменским, персидским, казахским, монгольским, калмыцким языками, а также языком народа урду, на котором говорили жители Пакистана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.